

0721669-1

На правах рукописи

СОРОКИНА Елена Алексеевна

**ДРЕВНЕРУССКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на фоне древнеанглийского обращения)**

10.02.01 – русский язык

Сорокина

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

0000977434

Волгоград — 2001

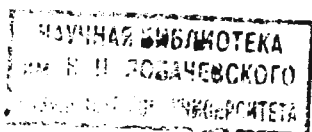
Работа выполнена в Волгоградском государственном педагогическом университете.

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор <i>Л. А. Сараджева</i> .
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор <i>Б. А. Зильберт</i> ; кандидат филологических наук, доцент <i>Т. В. Гриднева</i> .
Ведущая организация	Волгоградский государственный университет.

Защита состоится 19 апреля 2001 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 027. 03 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Волгоградском государственном педагогическом университете (400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 19 марта 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

A handwritten signature in black ink, appearing to read "В. И. Супрун".

В. И. Супрун

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа посвящена исследованию обращения в древнерусском языке в диахроническом аспекте на фоне древнеанглийского обращения — иными словами, выявлению тех процессов, которые послужили базой для становления общих и специфических черт обращения в системах сопоставляемых языков.

В каждом языке существует определенная система форм обращения, характеризующаяся многообразием структурных типов. Вместе с тем, несмотря на типологическое различие языков, обращение в них имеет немало общего. Эта общность заключается в том, что оно может быть выражено языковыми единицами, в состав которых входят имена собственные (или антропонимы), имена нарицательные (или аппеллятивы) и местоимения. Можно предположить, что обращение как древнейшая языковая единица характеризуется общими истоками и принципами формирования. До настоящего времени в отечественной лингвистике нет работ, посвященных происхождению и эволюции данной языковой единицы в языке в целом и специфики ее развития в древнерусском языке на фоне древнеанглийского обращения в частности, что обуславливает актуальность проведенного исследования.

В данном исследовании объектом изучения являются древнерусское и древнеанглийское обращения и их отношение к исходной индоевропейской модели обращения. Предмет исследования — специфика развития древнерусского обращения на фоне древнеанглийского обращения.

Рассмотренная проблематика определяет цель диссертационной работы, которая состоит в установлении общих и специфических черт обращения в древнерусском языке на фоне древнеанглийского обращения, а также выявлении причин, способствовавших сохранению или элиминации звательной формы имени в представленных языках.

Реализация цели данной работы достигается путем решения следующих задач:

- Установить истоки зарождения морфологически маркированной формы имени в функции обращения в раннюю эпоху индоевропейской языковой общности (далее ИЕЯО).
- Показать, каким изменениям подверглась звательная форма имени в позднюю эпоху ИЕЯО и в эпоху раздельного существования древнерусского и древнеанглийского языков.

- Выявить архаизмы и инновации, характеризующие обращение в древнерусском языке на фоне древнеанглийского обращения.
- Определить причины, способствовавшие сохранению звательной формы имени в древнерусском языке и ее элиминации в древнеанглийском языке.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в современном языкознании проводится целостное изучение и описание истоков формирования и эволюции обращения в эпоху ИЕЯО, дальнейшего самостоятельного его развития в исследуемых языках, а также выявление причин, способствовавших функционированию звательной формы имени в исследуемый период древнерусского языка и ее утрате в древнеанглийском.

Теоретическая значимость настоящей диссертации определяется общим подходом к изучению обращения в диахроническом аспекте, комплексном описании истоков его зарождения в эпоху ИЕЯО и специфики развития в исследуемых языках.

Практическая ценность работы заключается в использовании ее материалов и выводов как в вузовских общетеоретических курсах, так и в курсах по сравнительно-сопоставительному изучению языков, по исторической грамматике русского и английского языков, спецкурсов и спецсеминаров.

Источниками диссертации послужили письменные памятники различных жанров и стилей древнерусского и древнеанглийского языков.

Материал исследования — авторская картотека, которая содержит более 1000 примеров на древнерусском языке и около 100 — на древнеанглийском. В тексте диссертации также использован соответствующий материал из 14 других индоевропейских языков.

Методология и методы определены целью и задачами настоящего исследования, для решения которых использованы общеметодологический системный подход, позволяющий увидеть предмет исследования как с общетеоретической, так и лингвистической точки зрения, а также принцип историзма. Основными исследовательскими методами в работе являются сравнительно-исторический и сопоставительный. Наряду с ними использовались приемы описательного метода — наблюдения, сопоставления, обобщения.

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, социолингвистики, культурологии.

Проведенное исследование позволяет **вынести на защиту** следующие положения:

1. Обращение как единица парадигмы вокативности характеризуется общим категориальным признаком привлечения внимания и установления контакта со слушающим. Оно отличается от других единиц парадигмы способностью называть или указывать на адресата, отражая отношение к нему говорящего.

2. Инвариантом обращения в раннюю эпоху ИЕЯО является имя существительное. Личные местоимения 2-го лица в функции обращения, как правило, выступали только в конструкции с именем существительным, что нашло отражение в исследуемых языках.

3. Древнейшим морфологическим показателем имени в функции обращения является формант *-е, который возник на этапе непосредственно-чувственного восприятия действительности и мог употребляться только с конкретными активными именами в апеллятивной функции.

4. Распределение имен на классы слов по основообразующим гласным в эпоху ИЕЯО привело к формированию у них звательных формантов по аналогии с древним формантом *-е, что не только сохранило звательную форму с и.-е. формантами в древнерусском языке, но и способствовало функционированию новых звательных формантов.

5. Звательная форма имени в древнерусском языке характеризовалась архаичным противопоставлением номинативу, способностью употребляться только с активными единичными именами. В то же время тенденция к элиминации, заложенная в ее генезисе в раннюю эпоху ИЕЯО, привела к постепенному вытеснению звательной формы в древнерусском языке более позднего периода, что типологически совпадает с аналогичными процессами в древнеанглийском языке.

6. Функционированию звательной формы имени в древнерусском языке способствовала разветвленная падежная парадигма с большим количеством флексий, где звательные форманты рассматривались как автономные образования. В древнеанглийском языке тенденция к аналитизму привела к элиминации звательной формы имени, столь отличной от падежной флексии по функции.

Апробация. Теоретические положения и практические результаты исследования обсуждались на научной конференции «Языковая личность: система, нормы, стиль» (Волгоград, февраль 1998 г.); на научно-методической конференции по актуальным проблемам современной филологии и ее преподавания в системе «школа — колледж — вуз» (Волгоград, март 1998 г.); на IV межвузовской конфе-

ренции студентов и молодых ученых Волгоградской области по направлению «Филология» (Волгоград, декабрь 1998 г.); на научно-методической конференции по проблемам современной филологии в педагогической практике: школа — колледж — вуз (Волгоград, апрель 1999); на международном симпозиуме молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков» (Волгоград, май 2000). Результаты исследования отражены в пяти публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 217 наименований (из них 45 на иностранных языках), списка лексикографических изданий и принятых сокращений, списка источников, послуживших материалом для анализа. Общий объем работы составляет 180 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор объекта и предмета исследования, излагаются цель и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, указываются материал, методология и методы, теоретическая база исследования, сообщается об апробации работы и публикациях, описываются объем и структура исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Обращение: теоретические проблемы» состоит из двух параграфов, в которых дается краткий обзор существующих в настоящий момент определений обращения, предлагается свое определение. Исходя из уровней и функций языка, представлены две парадигмы вокативности — синтаксическая и коммуникативная, которые позволяют определить категориальный признак обращения, его статус в языке, а также место среди других однопорядковых единиц, входящих в парадигму вокативности.

Обращение, несмотря на обилие разнообразных исследований, до настоящего времени не получило однозначного определения. Причиной этого можно считать, с одной стороны, сложность и неоднородность самого обращения, своеобразного как в семантическом, лексическом, грамматическом, так и в собственно коммуникативном отношениях. С другой стороны, в этом нельзя не видеть действия некоторых общих консервативных тенденций в развитии лингвистики в целом, в разное время акцентировавших внимание на различные подходы к обращению.

Интенсивная разработка коммуникативного подхода к исследованию языковых явлений способствовала тому, что за последние два десятилетия анализ обращения как коммуникативной единицы языка был отмечен подлинным богатством аспектов (Гольдин 1982; Рыжова 1982; Алешкина 1991; Дворная 1995; Онипенко 1993, Останин 1996). Предназначение коммуникативных единиц определяется через их функцию в языке. При анализе содержательной стороны языковой единицы должны быть учтены все те отношения, в которые вступают говорящие в процессе коммуникативной деятельности и которые обусловлены конкретной коммуникативной ситуацией. Соотнесенность обращения с коммуникативной ситуацией, зависимость его выбора от всех компонентов ситуации в той или иной мере характеризует эту языковую единицу как *важный компонент общения с определенным набором семантических и коммуникативно-прагматических признаков и свойств*.

Семантическое содержание обращения раскрывается через отношение этой языковой единицы к своему референту — адресату речи. Обладая общим значением — называть или указывать на адресата речи — обращение включает в свою семантическую структуру следующие признаки: *адресация – номинация*, обращенность к адресату речи, *вокативность (звательность)*, отнесенность ко второму лицу и *побудительность*, которые образуют обобщенное типовое семантическое содержание обращения.

Коммуникативно-прагматическое назначение обращения раскрывается в процессе коммуникации, которая складывается из коммуникативных актов, где обязательно присутствуют говорящий и слушающий. Следовательно, коммуникативный акт невозможен без адресации, а адресация, в свою очередь, без апелляции, чаще всего эмоционально окрашенной. Назначение обращения заключается в *апелляции к адресату высказывания; в установлении контакта со слушающим (собеседником); в побуждении к слушанию и ожидаемой ответной реакции*. В коммуникативно-прагматическом аспекте обращение употребляется с целью передать субъективное отношение говорящего к адресату. В то же время обращение не является основным источником информации, как, например, высказывание и текст, а является вспомогательным компонентом.

Исходя из семантических особенностей обращения, а также из его назначения в процессе коммуникации, можно определить его основные функции. *Вокативная* (звательная) функция характеризуется отнесенностью ко второму лицу. Она является первичной, основной,

т. к. привлекает внимание адресата к последующей информации. *Апеллятивная* функция заключается в назывании адресата, установлении и поддержании контакта с ним, побуждении его к общению. *Социально-регулятивная* функция служит индикатором эмоциональных, оценочных, социально-типизированных отношений коммуникантов. Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующее определение обращения как коммуникативной единицы языка: *обращение – важнейший вспомогательный компонент коммуникативного акта, называющий или указывающий на адресата и выполняющий вокативную, апеллятивную и социально-регулятивную функции в процессе коммуникации.*

В свете последних достижений лингвистической науки все больше внимания уделяется функциональному подходу к изучению языковых единиц. Делаются попытки определения их назначения в языке, места в ряду однопорядковых единиц, установления связей и взаимозависимостей с единицами других классов, выявления пределов их вариативности и *построения парадигмы* – динамической модели класса рассматриваемых слов и выражений.

Учитывая сложный, многогранный характер обращения, необходимость построения такой парадигмы связана: 1) с определением категориального значения обращения; 2) с выявлением места обращения в ряду других однопорядковых единиц; 3) с установлением языковых единиц, которые входят в понятие «обращение». Для построения парадигмы вокативности* первоначально необходимо установить некоторый класс единиц языка, включающий обращение. Выбор термина «*вокативы*» для обозначения данного класса единиц обусловлен не только тем, что он представлен в названии парадигмы, но также и тем, что вокативная (звательная) функция, характеризующая и обращение, является первичной и служит для привлечения внимания адресата к основной информации. Таким образом, в понятие «вокатив» в нашем исследовании будут включаться *все средства (вербальные и невербальные) привлечения внимания и установления контакта.*

Категориальным признаком вокатива, отличающим его от других коммуникативных единиц, является *привлечение внимания адресата, установление и поддержание контакта между участниками общения.* При этом вокативы, не являясь основным источником информации, могут быть информативны в той мере, в ка-

---

* Термин «парадигма вокативности» заимствован из работы В.И. Карасика. (См.: Карасик В. И. Парадигма вокативности // Языковые парадигмы и их функционирование. Волгоград: Перемена, 1992. С. 44–51.)

кой мы извлекаем информацию из единиц прагматического плана языка. Исходя из категориального признака вокативов, можно установить и языковые единицы, которые соотносятся со слушающим, получателем информации, т. е. с адресатом речи. Привлечение внимания адресата достигается как в е р б а л ь н ы м , так и н е в е р б а л ь н ы м способом. К невербальным единицам относятся жесты, интонация, мимика. К вербальной форме привлечения внимания адресата — собственно вокативы, а также формулы социального этикета, акты фатической метакommunikации (заполнение пауз, светская беседа и т. п.) и т. д., которые являются однопорядковыми единицами по отношению к вокативам.

В класс вербальных вокативов нами включаются следующие языковые единицы: 1) называющие (имена существительные); 2) указывающие на адресата, но не называющие его (личные местоимения); 3) привлекающие внимание без называния и указания на адресата (междометия); 4) императивы, не называющие адресата, но побуждающие его к ответной реакции. Эти единицы отличаются степенью градации в обозначении адресата: имена существительные, привлекая внимание адресата, называют его, личные местоимения только указывают на адресата, а междометия и императивы привлекают внимание адресата, но не называют и не указывают на него. Учитывая степень градации в обозначении адресата, из класса вокативов можно выделить неопределенные и определенные вокативы. К неопределенным относятся междометия, посредством которых привлекают внимание людей (типа «Эй!», «Ау!»), а также императивы (типа «Слушай!», «Слушайте!»), в грамматическом значении которых присутствует признак дейктической направленности второго лица. Определенные вокативы включают имена существительные и личные местоимения, которые называют или указывают на адресата, т. е. о б р а щ е н и я .

В свою очередь обращения могут подразделяться на с т а н д а р т н ы е и н е с т а н д а р т н ы е. *Стандартные обращения* включают различного рода титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные, а также эмоционально-экспрессивно-оценочные обращения. К *нестандартным обращениям* относятся любые слова-обращения в апеллятивной функции, соответствующие звательной форме в некоторых языках (например в древнерусском языке).

Во второй главе «Обращение в древнерусском языке на фоне древнеанглийского обращения и его отношение к исходной индоевропей-

ской модели» выявляется специфика развития обращения в древнерусском языке на фоне древнеанглийского обращения по отношению к обращению в эпоху ИЕЯО, а также причин, способствовавших сохранению или элиминации звательной формы имени в исследуемых языках.

У исследователей не вызывает сомнений тот факт, что обращение является одной из древнейших языковых единиц, но вопрос о первоочередности использования в функции обращения имен существительных или личных местоимений остается открытым. Можно предположить, что местоимения *ты, вы*, благодаря структурно-семантическим особенностям и ярко выраженному свойству звательности в функции обращения, могли быть приняты за основу при формировании обращения в эпоху ИЕЯО. На наш взгляд, использование местоимений *ты, вы* как «инвариантной основы» обращения на ранней стадии развития языка маловероятно. Согласно общепринятому мнению, первобытный человек обходился без абстрактных указательных слов, употребляя вместо них конкретные и даже детализированные названия предметов, указывающие на пространственное расположение. Вторых, узнавание себя и других — это взаимосвязанное явление, причем узнавание других предшествует узнаванию самого себя. Вышеприведенные факты дают возможность предположить, что *местоимения образовались позже полнозначных имен и, следовательно, не могут рассматриваться как «инвариантная основа» обращения в языке*. Вероятно, местоимения могли возникнуть только после размежевания имени и глагола, на определенном этапе развития абстрактного мышления. Аргументом в пользу данной точки зрения может явиться и тот факт, что имена в функции обращения и глаголы в повелительной форме во многих индоевропейских языках имеют общий показатель *e, восходящий к корню с аппеллятивной семантикой, когда в процессе размежевания имен и глаголов и зарождения флективной морфологии именная основа с формантом *-e стала употребляться в обращениях, а глагольная основа с формантом *-e выражать повеление. **Обращения:** греч. *λύκε*; лат. *lupе*; прасл. *vilčē*; др.-рус. *вълче «о волк!»*. **Императив:** лат. *docē!* «обучай!»; др.-англ. *tele* «расскажи!», *stuge* «мешай!»; греч. *αὔ* «веди!»; хет. *e-iš-ši* «следуй» (окончание *i* — древний безударный вариант *-e). В свою очередь наличие у личных местоимений *ты, вы* ярко выраженных структурно-семантических признаков обращения позволяло выступать им в союзе с обращени-

---

* Реконструируемые формы даются по словарям М. Р. Фасмера и П. Я. Черных (Черных 1999; Фасмер 1964—1973).

ем-существительным и выполнять аппеллятивную функцию. Ср.: др.-рус.: *Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша?*; ...*одинъ братъ одинъ светъ светлый ты Игорю оба есвъ Свя-теславличя* (СлИ₂); др.-англ.: *Du goda cyning, gif þin willa, ic hine wat* (Aroll. 147): «*Ты, знатный король, если у тебя есть желание, я узнаю у него*».

Индоевропейское языковое состояние характеризовалось морфологически оформленным именем существительным в функции обращения. Имена в звательной форме отмечены на разных ступенях развития многих индоевропейских языков: в славянских, германских, балтийских, в древнеиндийском, авестийском и древнеперсидском, греческом, италийском. Обнаружены следы звательного форманта также в древнехеттском (анатолийская ветвь), древнеирландском (кельтская ветвь). Таким образом, из двенадцати известных ветвей индоевропейской семьи в девяти отмечено морфологически маркированное существительное в функции обращения (см. диаграмму).

В современном языкознании существует мнение, что звательный формант совпадает с гласной основы, и в функции обращения используется чистая основа по аналогии с корневыми именами. Традиционная точка зрения не объясняет появление звательного форманта *-e не только у и.-е. основ на *-ō, но и у основ на *-ī в некоторых и.-е. языках: скр. *āhe*, авест. *aze* «о змея!», лит. *naktiė* «о ночь!», а также у основ на *-i, где отмечены звательные форманты *-oi, *-ai, *-i, *-o (гот. *siþai*, лит. *sīþai*, ст.-слав. *сыноу*, скр. *siþō* «о сын!»). Появление этих формантов из окончания *-ei обусловлено развитием системы аблаута в индоевропейском. По нашему мнению, представляется возможным считать звательный формант *-e древнейшим морфологическим средством оформления слова в функции обращения.

На самых ранних этапах своего развития человек употреблял в аппеллятивной функции корневые основы, неразложимые морфологически. Это был древнейший период в развитии обращения. В эпоху «дофлективного» строя, когда еще не было развитой системы вокализма, а аблаут отсутствовал, единственным видом словообразования было корнесложение. С усложнением социальных отношений все большее количество слов вовлекалось в функцию обращения. Возможно, в качестве обращений, наряду со старыми корневыми основами, стали использоваться сложные слова, состоящие из двух основ, одна из которых имела в своем лексическом значении указание на адресата. Действительно, для ранней эпохи ИЕЯО реконструируется корневая основа $HuXw$ (Андреев 1986) со значением «Говорю! Слушай», которая могла присоединяться ко всем словам в функции обращения. Протосема корня относилась к сфере понятий, заданных коммуникацией, т. к. среди вторичных сем корня содержалось обозначение рта и уха — названия обоих органов, необходимых для речевого общения. Вероятно, этот корень использовался для привлечения внимания слушателя и имел значение аппеллятивного «эй» (Илич-Свитыч 1971: 268). Ср: *лат.* $\bar{O}-h\bar{e}$ — «слушай, эй!»; *греч.* $\bar{O}-\bar{e}$ — «послушай, обращаюсь к тебе»; *серб.-хорв.* $\bar{e}$ — *междометие, выражающее подзывание*; *црл.* $\bar{A}$ — «Зову, эй!»; *рус.* эй — *междометие, выражающее подзывание*. Развитие аппеллятивно-акцентирующей семантики этого корня, вероятно, повлекло за собой его участие в формировании особого звательного форманта *-e.

Мы отдаем себе отчет в том, что вышеперечисленные этапы развития обращения в столь отдаленный от нас период развития языка являются гипотетическими. Однако с учетом данных древних языков существование особого звательного форманта *-e в языках эпохи ИЕЯО вполне доказуемо. Во-первых, звательный формант *-e представлен на разных этапах развития почти во всех индоевропейских языках у и.-е. основ на *-ō, например, в санскрите, греческом, латинском, литовском, в языках славянской группы. Во-вторых, звательный формант *-e присутствует в основах на *-ī и *-ī̄. В-третьих, о первоначальном существовании единственного гласного e в полной степени в любом индоевропейском корне заявил еще Ф. де Соссюром в 1878 г. Можно предположить, что в чисто фонетическом отношении это был наиболее легкий звук. Таким образом, гласная e вполне могла присутствовать в корне с аппеллятивной семантикой и участвовать в генезисе звательного форманта *-e. В дальнейшем, в результате распределения слов по основообразующим гласным (суффиксам),

звательный формант **-e* закрепился за наиболее многочисленным классом имен, принадлежащим к **ǫ*-основам. По аналогии со звательным формантом **-e* **ǫ*-основ у имен, относящихся к другим основам, стали формироваться свои звательные форманты.

Общеизвестно, что древнерусский и древнеанглийский языки относятся к двум ареалам: восточному (древнерусский) и западному (древнеанглийский) и находятся на периферии и.-е. общности. Все языковые процессы, которые характеризуют эти ареалы, вызывают значительный интерес, т. к. на периферии могут не только удерживаться древние явления, но и появляться инновации.

Древнерусское обращение, выраженное именами существительными мужского и женского рода в единственном числе, имело несколько звательных формантов: *-e*, *-o*, *-ю*, *-и*, *-оу*. Распределялись звательные форманты без учета принадлежности имен к категории мужского или женского рода, категории одушевленности/неодушевленности, т. к. древнерусский язык унаследовал через праславянский язык и.-е. классификацию имен по основам. В древнеанглийском языке обращение не имело специальных маркеров и совпадало по форме с И.п. и В.п. Таким образом, морфологически маркированное обращение было характерным только для древнерусского языка, который сохранил не только старые и.-е. звательные форманты, но и более поздние праславянские форманты *-ю* у *ǫ*-основ, *-e* у *ǰ*-основ.

В традиционной лингвистике появление звательного форманта – *ju* (*-ю*) у *ǫ*-основ интерпретируется как результат взаимодействия основ на **-ǫ* и **-ǰ*. Не отрицая традиционных точек зрения на появление звательного форманта *-ю* у *ǫ*-основ, нами предлагается свое объяснение. На определенном этапе эволюции праславянского языка под влиянием как фонетических, так и морфонологических законов, появилась твердая и мягкая разновидность *ǫ*-основ. Ср.: **vīlkǫs* (*ǫ*-основа), **kǫnjǫs* (*ǫ*-основа). Слово **kǫnjǫs* отличалось мягкостью сонорной фонемы, где гласный непереднего образования изменялся в звук передней зоны, т.е. [o] — в [e]. Отсюда для раннего праславянского реконструируется И. п. ед. ч. **kǫnje*: ср. **kǫnjǫs* > **kǫnjes* > **kǫnje*. Когда в праславянском в результате действия морфонологических законов окончание основ на **-ǰ* в И.п. ед. ч. было перенесено в **ǫ*-основы в И.п. ед. ч.: **vīlkǰ* и **sǰnǰ*, назрела необходимость в формальном различии между номинативом и звательной формой в ед. ч., т. к. такое противопоставление является одним из древнейших в системе словоизменения языка в эпоху ИЕЯО. Отсюда звательная форма на **-e* отмечена не только у слова «волк» – **vīlčē*, но и у слова «сын» – **sǰne*.

Если же обратиться к слову **kǫnje*, то номинатив имел окончание *-e*, которое совпадало со звательным формантом **-e*. Следовательно, для звательной формы слова **kǫnje* был необходим свой формант. Реконструируя для раннего праславянского языка номинатив **vīlkŭ*; **sŭnŭ* и звательную форму **vīlčē*; **sŭnē*, получаем противопоставление окончания номинатива *-ŭ* и звательной формы *-e* в объединенном классе слов, куда входили имена, ранее относившиеся к **ǫ-* и **ŭ-*основам. В свою очередь для **kǫnje* такое противопоставление невозможно, т. к. окончание номинатива *-e* совпадает со звательным формантом *-e*. Можно предположить, что звательная форма **kǫnj-ŭ* появилась как результат переноса окончания *-ŭ* из номинатива **vīlk-ŭ*; **sŭn-ŭ* именно для противопоставления номинатива и звательной формы под действием законов аналогии. Позже, когда в номинативе *ŭ > ь* (*vīlku > др.-рус. вѣлкь*), а *e > ъ* (**kǫnje > *kǫn'ě > др.-рус. конь*) формант звательной формы *-и* окончательно закрепился за *јѡ-*основами, где под воздействием последующего средненебного **j* сонорные смягчились. Ср.: **kǫn+j+u - kǫn' u - кон-ю*. Таким образом, звательный формант *-ю* у *јѡ-*основ вполне мог появиться как результат противопоставления номинатива и звательной формы имени в пределах одного класса слов. Более того, возможность такого развития может быть объяснена и очевидной семантической близостью значения номинатива и звательной формы имени, а именно, способностью к прямой номинации. Звательную форму имени от номинатива отличает лишь наличие дополнительного экспрессивно-эмоционального содержания.

Имена с основами на **-ā* широко представлены в древнерусском языке. В этот класс еще в эпоху и.-е. языковой общности были вовлечены и более архаичные основы на **-ā*, что в дальнейшем привело к использованию этой формы в функции обращения. Ср.: лит. *galvā* «голова» (им. п.) — *gálva* (зв. ф.); греч. *νύμφη* «нимфа» (и.п.) — *νύμφᾱ* (зв. ф.); ст.-слав. *нога* (им. п.) — *ного* (зв. ф.). Вышесказанное позволяет предположить, что звательный формант *-о* в древнерусском языке является рефлексом и.-е. звательного форманта **-ā*. В дальнейшем под влиянием исконно смягченного согласного в праславянский период в ряде слов из звательного форманта *-о* образовался звательный формант *-е*, например, др.-рус. *земля* < прасл. **zetja* < и.-е. **g'hemīā* — зв. ф. *земле*. Таким образом, формант *-е* у существительных с основой на *-ā* является чисто общеславянским новообразованием, что подтверждается данными других языков славянской группы: чешск. *říže!* — «О роза!», болг. *мóме!* — «О девушка!».

В лингвистике существует мнение, что германские языки характеризуются отсутствием звательной формы имени в функции обращения. Западный ареал, как и восточный, представлял собой периферийную зону и весьма вероятно, что архаичное противопоставление номинатива и звательной формы имени, а также существование древнего звательного форманта **-e* может найти свое подтверждение в отдельных германских языках. Так, готские письменные памятники отмечают существование противопоставления номинатива и звательной формы имени у и.-е. основ на -ō, -ī, -ū : *wolfs* (им. п.) — *wulf* (зв. ф.), *gasts* — *gast*, *sunus* — *sunau*. Следовательно, индоевропейская языковая традиция противопоставлять номинатив звательной форме имени сохранилась у носителей готского языка. Что же касается архаичного звательного форманта **-e*, то на его существование в западном ареале указывают факты фризского языка, относящегося к западногерманской группе языков (как и древнеанглийский язык), где в разговорной речи отмечен звательный формант **-e* в междометии *Heare!* «боже!» и обращении типа *heite* «приятель, друг»: например, *Heare, wat die er it māl!* «Боже, как плохо он это сделал!»; *Kom hjir ris, heite!* «Иди-ка сюда, приятель!». С учетом приведенных данных возможно предположить, что в дописьменный период древнеанглийского языка также могла существовать звательная форма, как в указанных выше готском и фризском языках.

Отсутствие звательной формы имени в письменных памятниках древнеанглийского языка объясняется следующими факторами: изменение в общегерманский период индоевропейской трехчленной модели слова в двучленную привело к невозможности выделения основообразующего суффикса. Следовательно, распределение имен по основам, которые характеризовались собственными звательными формантами, потеряло свою актуальность. Немалую роль в исчезновении звательного форманта могло сыграть и установление единого акцентного типа с ударением на корне в позднегерманскую эпоху, что привело к унификации падежной парадигмы.

Древнерусский и древнеанглийский языки характеризуются трехчленным противопоставлением форм числа (ед. ч., дв. ч., мн. ч.), восходящего к общеиндоевропейскому языковому состоянию. Письменные памятники исследуемых языков отмечают употребление обращения в древнерусском языке во всех трех числах, а в древнеанглийском — в единственном и множественном. Звательная форма имени засвидетельствована только в древнерусском языке у существительных мужского / женского родов с I-го по IV-е склонение в ед. ч. Причины та-

кой избирательности связаны с тем, что для индоевропейцев было характерно непосредственно-чувственное восприятие действительности, которое определялось конкретизацией и единичным называнием. Это не препятствовало обращению выполнять аппеллятивную функцию, т. к. было достаточно наличия конкретных субъектов, чье внимание требовалось привлечь. При этом не были важны различия имен по числам, родам, падежам и т. д. Вероятно, в этот период все же существовали определенные ограничения в употреблении обращения, например, обращаться могли только к именам активного класса, от которых ожидалась ответная реакция. Таким образом, употребление звательного форманта *-e с именами в ед. ч. связано с конкретным мышлением индоевропейцев и является глубоким архаизмом. Звательная форма имени с формантом *-e не могла иметь специальных форм для противопоставления единичных и множественных субъектов ввиду отсутствия самого понятия единичности/множественности на этом этапе. В процессе усложнения восприятия действительности у индоевропейцев назрела необходимость в дискретном вычленении объектов — так появилось понятие «один» и «больше, чем один». Звательная форма имени сохранялась за конкретными субъектами, в свою очередь, для имен, выражающих понятие «больше, чем один», особая звательная форма отсутствовала, что привело к противоречию, т. к. назрела необходимость использовать в функции обращения имена во мн. ч. С развитием флективной морфологии отпала необходимость противопоставлять звательную форму имени номинативу, т. к. номинатив уже имел свою флексию, а его грамматическое значение отличалось от звательной формы лишь отсутствием дополнительного оценочно-эмоционального содержания последней. Можно предположить, что с возникновением у индоевропейцев понятий единичности/множественности, а также с формированием в языке флексий отпала необходимость использовать особую звательную форму имени с формантом *-e в функции обращения, т. к. ее вполне мог заменить номинатив данных имен как в ед. ч., так и во мн. ч. *Ср.: в хеттском языке (XVIII—XII вв. до н. э.) звательная форма имени отсутствовала.* Тенденция к утрате звательной формы имени проявилась раньше или позже во многих языках индоевропейской семьи, что отражает и древнеанглийское языковое состояние. Сохранение звательной формы имени в древнерусском языке можно объяснить процессами, которые характеризовали более позднюю эпоху ИЕЯО: после распределения имен по и.-е. основам по аналогии со звательным формантом *-e у них сформировались свои форманты, что по-

звонило сохраниться звательной форме имени во многих языках в течение столетий (ср. укр. и польск. языки). При этом звательные форманты сохранили архаичную способность употребляться только с конкретными именами, что характеризовало наиболее древний период и.-е. языкового состояния.

В письменных памятниках древнерусского языка засвидетельствовано употребление звательной формы имен неодушевленного класса и, напротив, отсутствие звательных формантов у имен одушевленного класса в функции обращения. Это было связано с тем, что для языка ранней эпохи ИЕЯО были характерны особенности, присущие так называемому «эргативному» строю, где противопоставлялись два падежа: эргатив с показателем *-Ø и абсолютив *-N (=m или n). Имена могли иметь форму или эргатива, или абсолютива. Различие в дистрибуции между именами было тесно связано с семантическим различием между одушевленными и неодушевленными объектами. В форме агенса (деятеля) могли выступать не только одушевленные (в современной терминологии) объекты, но и неодушевленные, выполняющие то или иное действие и «использующие при этом свою собственную энергию». Эта древнейшая индоевропейская языковая традиция нашла продолжение в древнерусских письменных памятниках: *О Русская земле! ...О Донче! (СлИг), где Дон и Земля относились к неодушевленным именам, однако в славянской фольклорной традиции река Дон воспринималась как мужское начало (Дон-батюшка), Земля — как женское начало (Земля-матушка). При этом рассматривались они как активно действующие силы, т.е. неодушевленные агенсы.*

Деление всех имен на активные (агенс) и инактивные (не-агенс) нашло свое отражение и в употреблении имен в функции обращения. Звательный формант *-e, присоединяясь к именам активного класса, обозначающим деятеля, мог противопоставлять звательную форму имени эргативу с показателем *-Ø и абсолютиву на *-N: *обращение (*-e) — номинатив агенсов (*-Ø) — номинатив не-агенсов (*-N).* Имена инактивного класса, в силу своего лексического значения, не могли употребляться в функции обращения. Противопоставление номинатива и звательной формы имени отражает древнейшее языковое состояние, при котором звательная форма имени была противопоставлена именам как активного, так и инактивного классов.

В лингвистике звательная форма имени традиционно включена в именную падежную парадигму. Проведенное выше исследование и его результаты позволяют рассматривать ее несколько в ином плане. Для языков флективного типа (древнерусский и древнеанглийский)

падежи должны обладать следующими признаками: иметь падежную флексию, способную оформлять слово в нужном падеже; образовываться от любых лексем, принадлежащих к тем частям речи, которые обладают категорией падежа; противопоставляться по числам; выражать отношения между словами в предложении, т. к. основной синтаксической функцией падежей является согласование остальных членов предложения. Эти характеристики представляют собой в своей совокупности необходимое и достаточное условие для признания/непризнания определённых форм падежами.

Исходя из вышеизложенного, необходимо установить, обладает ли звательная форма имени вышеперечисленными свойствами. Во-первых, имеет ли она флексию, которая оформляла бы слово в функции обращения. На первый взгляд, существование такой флексии очевидно. Например, в древнерусском языке в письменных памятниках было зафиксировано несколько окончаний: *-е, -ю, -о, -и, -у*, которые присоединялись к именам, относящимся к разным типам основ, в функции обращения. Отнесение этих окончаний к флексиям или формантам невозможно решить без обращения к истокам их формирования. Анализ возникновения окончания **-е* у звательной формы имени позволяет сделать вывод о том, что первоначально это был словообразовательный суффикс, который, грамматикализовавшись, преобразовался в звательный формант **-е*. В процессе самостоятельного развития языков по аналогии с древним формантом **-е* появились и другие звательные форманты. Вероятно, такое многообразие звательных формантов способствовало тому, что их стали рассматривать как падежные флексии. Таким образом, определение лишь истоков формирования звательных формантов является недостаточным основанием для признания или непризнания их падежными флексиями. Здесь необходимо установить, охватывают ли эти окончания все лексемы, которые обладают категорией падежа. Как показал фактический материал древнерусского языка, звательная форма имени могла образовываться лишь от имен активного класса в ед. ч. Это было связано с условиями, при которых зарождалась звательная форма имени: возникновение в языке до формирования грамматической категории единичности/множественности; способность оформлять только одушевленные и неодушевленные агенты. Окончание звательной формы имени, таким образом, не является падежной флексией, т. к. не отвечает вышеперечисленным требованиям. Более того, звательная форма имени не выражает отношения между словами в предложении, т. к. не указывает на зависимое, подчиненное отношение к другим словам в

речи, и в этом смысле она, подобно форме именительного падежа, является прямым названием имени. Возможно, эта функция называния и сближает звательную форму имени с именительным падежом, стимулирует их омонимичное совпадение во многих языках, однако функция называния не является основной и единственной у обращения. Не следует забывать, что обращение выполняет вокативную и социально-регулятивную функции, которые в своей совокупности и составляют его сущность. В высказывании обращение направлено на внеязыковую ситуацию, непосредственно ориентировано на некий объект и, следовательно, в грамматико-семантическом плане не может считаться падежной единицей. Звательная форма имени, таким образом, является автономным образованием в падежной парадигме. Падежная парадигма, в свою очередь, могла косвенно повлиять на сохранение или элиминацию звательной формы имени в древнерусском и древнеанглийском языках. Фактический материал показывает, что чем разветвленнее была падежная система, чем она меньше была унифицирована, тем дольше сохранялась и морфологически оформленная звательная форма имени (*как в древнерусском языке*). Если происходила унификация падежной парадигмы, тем более переход к аналитическому строю, то в первую очередь исчезали морфологические показатели у форм, которые были внешне похожи на падежную форму, но таковой не являлись (*как, например, в древнеанглийском языке*).

В заключении диссертации делаются выводы о том, что обращение — важнейший вспомогательный компонент коммуникативного акта, называющий или указывающий на адресата и выполняющий вокативную, аппеллятивную и социально-регулятивную функции в процессе коммуникации. Инвариантом обращения в раннюю эпоху ИЕЯО является имя существительное. Личные местоимения второго лица в функции обращения, как правило, выступали только в конструкции с именем существительным, что нашло отражение в исследуемых языках. Древнейшим морфологическим показателем имени в функции обращения является формант *-e, который возник на этапе непосредственно-чувственного восприятия действительности и мог употребляться только с конкретными активными именами в аппеллятивной функции. Звательная форма имени в древнерусском языке характеризовалась архаичным противопоставлением номинативу, способностью употребляться только с активными единичными именами. Функционированию звательной формы имени в древнерусском языке способствовала разветвленная падежная парадигма с большим

количеством флексий. В древнеанглийском языке тенденция к аналитизму привела к элиминации звательной формы имени, столь отличной от падежной флексии по функции. В данной работе мы не затронули ряд проблем, которые, возможно, найдут свое продолжение в следующих изысканиях. Особый интерес может вызвать исследование формирования этикетных формул в эпоху ИЕЯО, а также специфики их развития в представленных языках.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Языковая личность и ее отражение в системе древнего обращения (на материале личного местоимения) // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5—6 февр. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 100—101.

2. Сущность обращения и его уровневые связи // Актуальные проблемы современной филологии и ее преподавания в системе «школа — колледж — вуз»: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Волгоград, 20—21 марта 1998 г. Волгоград: ВУПК, 1998. С. 26—29.

3. Двойственное число как выражение первоначальной категории множественности (на материале древнерусского и древнеанглийского личного местоимения) // IV межвузовская конференция студентов и молодых ученых Волгоградской области: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 8—11 дек. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1999. С. 117.

4. Лексическое значение личных местоимений в функции обращения // Филологический поиск: Сб. науч. ст. Вып. 3. Волгоград: Перемена, 1999. С. 8—11.

5. Формирование системы обращения древнерусского языка в вузовском курсе «Историческая грамматика русского языка» // Проблемы современной филологии в педагогической практике: школа — колледж — вуз: Материалы науч. конф. Волгоград: Колледж, 1999. С. 59—63.

6. Об архаичном случае употребления личного местоимения в функции обращения в «Слове о полку Игореве» // Филологический поиск: Сб. науч. ст. Вып. 4. Волгоград: Перемена, 2000. С. 94—99.

Научное издание

СОРОКИНА Елена Алексеевна

ДРЕВНЕРУССКОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на фоне древнеанглийского обращения)

А в т о р е ф е р а т

ЛР № 020048 от 20.12.96 г.

Подписано к печати 13.03.2001 г. Формат 60 × 84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,04. Уч.-изд. л. 1,1. Тираж 110 экз. Заказ **119**.

Издательство «Перемена»

Типография издательства «Перемена»

400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27. ВГПУ

2 =